

Электронная версия книги: Янко Слава (Библиотека Fort/Da) || slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Исq# 75088656 || Библиотека: <http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - внизу

update 09.04.07

Следует предупредить о том, что книга издана на двух языках, французском и русском, чего я себе не мог позволить. Заметки на полях выделены мной подобным образом: **["Условие бессознательного - это язык.»]**

ЖАК ЛАКАН

JACQUES LACAN ЖАК ЛАКАН

TELEVISION

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Editions du Seuil
Paris 1974

Гнозис
Москва 2000

ББК 87.3 Л 86

Перевод с французского А. Черноглазова
Корректор - Д. Лунгина

Координация проекта - О. Никифоров, философский журнал «ЛОГОС» (Москва) и Le Champ
Freidien.

Л 86

Лакан Ж.

Телевидение. Пер. с фр./Перевод А. Черноглазова. М.: ИТДК «Гнозис», Издательство «Логос», 2000. -
160 с.

Текст классика современного психоанализа, в «популярной» форме резюмирующий основные
принципы его дискурсивной практики применительно к различным областям повседневного
человеческого существования.

ISBN 5-8163-0016-4

Jacques Lacan. Television. Editions du Seuil. 1974. О ИТДК «Гнозис», Издательство «Логос», 2000. ©
Художественное оформление Н. Пирцхалава

Электронное оглавление

Электронное оглавление	3
Оглавление.....	4
К читателю	5
I. [Je dis toujours la verite] [Я всегда говорю правду]	5
II. [L'inconscient, chose fort precise] [Бессознательное, вещь в высшей степени конкретная]	6
Исцеление - это тоже фантазм?	6
III. [Etre un saint] [Быть святым]	9
IV. [Ces gestes vagues dont de mon discours on se garantit] [Эти туманные жесты, призванные заручиться авторитетом моего дискурса]	10
V. [L'egarement de notre jouissance] [Когда наше наслаждение сбилось с пути]	14
VI. [Savoir, faire, esperer] [Знать, делать, надеяться]	17
Так что же я, все-таки, могу знать?	17
VII. [Ce qui s'annonce bien, l'on le conceit clairement] [О том, что хорошо излагается, создается ложное представление]	21
Примечания.....	21

Оглавление

Avertissement	Вместо предисловия	- 5
I	[<i>Je dis toujours la verite</i>] [<i>Я всегда говорю правду</i>]	- 6
II	[<i>L'inconscient, chose fort precise</i>] [<i>Бессознательное, вещь в высшей степени конкретная</i>]	— 10
III	[<i>Être un saint</i>] [<i>Быть святым</i>]	— 23
IV	[<i>Ces gestes vagues dont de mon discours on se garantit</i>] [<i>Эти туманные жесты, призванные заручиться авторитетом моего дискурса</i>]	- 31
V	[<i>L'egarement de notre jouissance</i>] [<i>Когда наше наслаждение сбилось с пути</i>]-	47
VI	[<i>Savoir, faire, esperer</i>] [<i>Знать, делать, надеяться</i>]	- 59
VII	[<i>Ce qui s' enonce bien, l'on le conceit clairement</i>] [<i>О том, что хорошо излагается, создается ложное представление</i>]-	77

К читателю

1. Передача о Жаке Лакане заказана была научно-исследовательским отделом Французского радио и телевидения. Достоянием публики стал покуда лишь публикуемый здесь текст. Передача в двух частях под названием "Психоанализ" объявлена на конец января. Режиссер программы Бенуа Жако.
2. Я попросил того, кто вам отвечал, проверить внимательно то, что расслышал я в том, что он мне говорил. Суть его замечаний приведена на полях в качестве *manuductio*.

Жак-Алэн Миллер, *Рождество* 1973 г.

Тот, кто мне задает вопросы, умеет меня и прочесть.

Ж. Л.

5

I. [Je dis toujours la verite] [Я всегда говорю правду]

Я всегда говорю истинную правду. Не всю, потому что сказать всю правду - **[[S(A)]]** дело безнадежное. Высказать истину целиком просто невозможно, невозможно в чисто материальном смысле - для этого не хватает слов. Больше того, самим этим «невозможно» и обусловлена как раз зависимость истины от Реального.

В итоге я должен признаться, что попытался подать в этой комедии свои реплики и что годится все это псу под хвост.

Итак, провал - но именно поэтому, имея в виду кое-какой огрех, а точнее, прегрешение, все-таки успех.

Прегрешение это, будучи не ново, не так уж существенно. Но чем же я погрешил?

6

А погрешил я самой мыслью говорить так, чтобы меня поняли идиоты.

Мысль настолько для меня по природе чуждая, что могла мне быть разве что внушена. По дружбе. Надо быть осторожным.

Ибо между телезрителями и публикой, перед которой я говорю уже много лет -слушателями того, что называют обычно моим семинаром, - никакой разницы нет. В обоих случаях это некий взгляд, к которому я ни в одном из них не обращаюсь, **[[(a > S)]]** но ради которого я, собственно, и говорю.

Не думайте, однако, что я адресую свою речь кому попало. Я обращаюсь к тем, кто знает толк в нашем деле, к неидиотам, к предполагаемым психоаналитикам.

Опыт показывает, что даже с учетом эффекта стадности то, что я говорю, интересует гораздо большее число людей, нежели наберется тех, в ком я с некоторым основанием подозреваю психоаналитиков. Но почему тогда должен я говорить здесь по-другому, не так, как делаю я это на своем семинаре?

Не говоря уже о том, что и здесь меня,

7

может статься, слушают психоаналитики.

Скажу больше: от предполагаемых аналитиков нужно мне лишь одно - они должны быть тем

объектом, **[[S₂]]** ^a благодаря которому то, что я преподаю, не сводится к простому самоанализу. Разумеется, то, что я этим хочу сказать, поймут только они, мои слушатели. Но и не понимая ничего, психоаналитик выполняет ту роль, которую я только что сформулировал, а коли так - с не меньшим успехом выполняет ее и телеаудитория.

Добавлю только, что к тем психоаналитикам, которые являются таковыми лишь в качестве объектов - объектов прodelывающего анализ субъекта, - я, случается, действительно обращаюсь; не то чтобы я что-то говорил им самим -нет, но зато я говорю о них, хотя бы для того, чтобы их смутить. Кто знает! **[[S₁-->S₂]]** Может статься, это даст эффект внушения.

Не знаю, поверят ли мне, но есть случай, когда внушение бессильно, - это тот случай, когда психоаналитик получает свой изъяс от другого, того самого, кто подвел его к так называемому у меня "переходу", к выступлению в качестве аналитика.

8

Благословенны случаи, когда "переход" фиктивен, ввиду того что анализ не доведен до конца, - они оставляют какую-то надежду.

9

II. [L'inconscient, chose fort précise] [Бессознательное, вещь в высшей степени конкретная]

Мне кажется, дорогой доктор, что моя задача здесь не вступить с Вами в интеллектуальное состязание, а лишь дать Вам возможность высказаться. Поэтому и вопросы мои к Вам будут самые незатейливые - элементарные, даже вульгарные. Итак, начнем: «Бессознательное - что за чудное слово?»

Ничего лучшего Фрейд не придумал, а менять что-либо уже поздно. Слово это неудобно тем, что представляет собой отрицание, так что вообразить по его поводу можно все на свете - не говоря уже о прочем. А почему бы и нет? О вещи,

10

которую никто и в глаза не видел, с равным успехом можно сказать, что она «везде» и что она «нигде».

Бессознательное, между тем, представляет собой вещь очень определенную.

Бессознательное бывает только у существа говорящего. **[[*"Условие бессознательного - это язык."*]]** Что до прочих, которые, хотя и навязаны нам со стороны Реального, бытием обладают лишь постольку, поскольку они именованы, то у них есть инстинкт, то есть то знание, которое требуется для их выживания. Правда, справедливо все это лишь для нашего мышления, в данном случае, возможно, неадекватного.

Остаются лишь животные, которые без человека, *homme*, похоже, обойтись не могут, отчего *дхотта*шними и называются, и которые испытывают-таки поэтому подземные толчки бессознательного - впрочем, довольно непродолжительные.

Бессознательное - оно говорит, что делает его зависимым от языка, о котором знаем мы очень мало: и это несмотря на то, что я называю *лингвистерией*, объе-

11

диния в этом слове все то, что норовит -и это нечто новое - выступать у публики от имени лингвистики. Ибо лингвистика - это наука, которая занимается *йязыком***[[.который йязыку вне-существует:]]** (эту необычную орфографию я использую для того, чтобы обозначить специфику ее предмета, без чего в любой науке не обойтись).

Предмет этот имеет, между тем, значение первостепенное, ибо именно к нему с куда большим правом, нежели к чему-то иному, само аристотелевское понятие субъекта может быть сведено. Что и **[[*вот в чем состоит аналитическая гипотеза*]]** позволяет определить место бессознательного исходя из вне-существования, вне-положности другого субъекта - душе. Душе как тому предполагаемому, что лежит за совокупностью ее телесных функций. И является, пожалуй, - вопреки единодушному мнению ученых от Аристотеля до Юксюля и тому факту, что биологи, хотя бы они того или нет, до сих пор молчаливо ее существование допускают, - проблематичным. **[[i(a)]]**

На самом деле субъект бессознательного соприкасается с душой лишь посредством тела, куда он, на сей раз вопреки Аристотелю, вводит мысль. Чело-

12

век не мыслит, как воображал Философ, своей душой.

А мыслит он оттого, что некая структура, **[[*По отношению к душе-телу мысль вне-существует*]]** а именно структура языка, расчленяет - как само слово подразумевает это - его тело, причем способом, не имеющим ничего общего с анатомией. Разделка эта является душе в виде навязчивого симптома - мысли, которая ставит душу в тупик, с которой та не знает, что делать.

Мысль находится с душой в состоянии дисгармонии. Греческий *νοῦς* как раз и представляет собой миф о том, как ладит мысль с душой, и лад этот уподобляется миру - тому окружающему миру (Umwelt), за который именно душа считается ответственной, хотя на самом деле он представляет собой лишь фантазм, с помощью которого поддерживает себя мысль, **[[*То немногое, что реальность заимствует у Реального*]]** - своего рода «реальность», конечно, но не более чем гримаса Реального.

Тем не менее к Вам, психоаналитикам, приходят именно для того, чтобы здесь, в мире, который для Вас лишь фантазм, чувствовать себя лучше.

13

Исцеление - это тоже фантазм?

Исцеление - это требование, за которым стоит голос страдающего, страдающего душой и телом.

Удивительно то, что он-таки получает ответ и что испокон веку медицина попадала в точку, находя именно то слово, которое было нужно. **[[Могущество слов]]**

Как это было возможно до обнаружения бессознательного? Чтобы делать свою работу, практика в просвещении не нуждается - вот вывод, который отсюда напрашивается.

Получается, что анализ от терапии только своей «просвещенностью» и отличается? Это совсем не то, что Вы имели в виду. Позвольте мне сформулировать вопрос так: «Психоанализ, как и психотерапия, действует посредством слов. И все же они противостоят друг другу. В чем же именно?»

В настоящее время нет такой психотерапии, от которой не требовалась бы работа «в психоаналитическом ключе». Я не случайно ставлю это выражение в заслу-

14

женные им кавычки. Похоже, что смысловой оттенок этот только и вводится для того, чтобы не оказаться, паче чаяния, на улице - я хотел сказать, - на диване.

В результате в седле оказываются те стремящиеся стать вхожими в «круги» (пусть даже в кавычках) аналитики, которые, пренебрегая «переходом» в моем смысле, заменяют его формальными степенями, блеск которых обеспечит место в этих кругах тем, кто в связях своих бывает куда расторопнее, чем во врачебной практике.

И я покажу вам сейчас, почему именно подобная практика оказывается в психотерапии господствующей.

Говоря о бессознательном, в структуре, точнее, в языке можно выделить две стороны, два русла. **[[Нет структуры, которая не шла бы от языках]]**

Во-первых, русло смысла - оно-то и является, казалось бы, руслом психоанализа, источающего смысл, который держит судно нашей сексуальности на плаву.

Поразительно однако, что смысл этот сводится к бессмыслице - к той бессмыслице сексуальных отношений, которая **[[«Сексуальных отношений не существует»]]**

15

испокон веку во весь голос заявляет о себе в любовных речах. Заявляет завывая, что позволяет составить о человеческой мысли поистине высокое мнение.

Имеется и другой смысл - этот выдает себя за здравый смысл, да еще в смысле «общего мнения». Комичнее некуда - только вот комическому непременно сопутствует знание о том отсутствии отношения, которое в нем, в сексуальном поведении, заложено. Здесь-то достоинство наше и находит себе замену, отслужив свою смену.

Здравый смысл являет собой внушение, комедия - смех. Значит ли это, что ими можно довольствоваться, - не говоря уже о том, что они вообще плохо совместимы? Именно здесь психотерапия дает осечку - не то чтобы она вообще не была во благо, но оборачивается-то благо это в итоге кое-чем куда худшим.

Вследствие чего бессознательное, то есть та настоятельность, с которой заявляет о себе желание,

повторение того, что в нем себя вопрошает (разве не это говорит о **[[$d \rightarrow (\mathcal{S} \circ D)$]]** нем Фрейд с самого начала, с момента его открытия?), вследствие чего бессоз-

16

нательное, при условии, что структура, которая делает из того, что называю я *языком*, язык и тем самым опознает себя, действительно велит это, напоминает нам, что русло смысла, которое заворачивает нас в речи - благодаря чему речь эта заслоняется бытием, тем бытием, мысль о котором носится в воображении Парменида, - напоминает нам - завершаю я свою мысль, - что руслу смысла изучение языка противопоставляет иное русло - русло знака.

Как могло случиться, что даже симптом, или то, что в анализе называется этим словом, не оказался здесь путеводной нитью? Что пришлось ждать, пока Фрейд, послушно выслушав истерическую больную, не принялся читать ее сны, оговорки и шутки точно таким же образом, как читают, расшифровывая, закодированное послание?

Можете ли Вы доказать, что Фрейд говорит именно это, и что именно к этому то, что он говорит, сводится?

Достаточно обратиться к текстам Фрейда, по этим трем рубрикам распределен-

17

ным, - заглавия их сейчас широко известны, - чтобы выяснить, что речь в них идет не о чем ином, как о расшифровке означającego сказ-мерения в чистом виде.

Другими словами, что одно из этих явлений артикулировано, то есть вербализовано, вполне бесхитростным образом - в соответствии с той вульгарной логикой, которая не ставит употребление языка под сомнение.

И что, продолжая углубляться в сложную ткань двусмысленностей, метафор и метонимий, Фрейд начинает говорить о некоей субстанции, некоей зыбкой мифологеме, получившей у него название *либидо*.

Но то, что он реально, на глазах у нас, **[[Фрейдовская практика]]** сосредоточенно вчитывающихся в его текст, проделывает, есть не что иное, как перевод - перевод, из которого явствует, что наслаждение, которым завершается, по его предположению, первичный процесс, состоит, собственно говоря, в тех логических маневрах, которые он с таким искусством заставляет нас совершить.

Достаточно провести различие, к которо-

18

му стоическая мудрость пришла еще в древности, - различие, которое, переводя латинские термины на язык Соссюра, описываем мы как различие между означающим и означаемым - чтобы с

S

очевидностью усмотреть явления эквивалентности, которые, понятное дело, и смогли **[[s]]** оформить представления Фрейда о механизме энергетике.

Необходимо еще одно усилие мысли, чтобы положить это различие в основу лингвистики. Утвердив ее тем самым на собственном ее предмете - на означающем. Нет ни одного лингвиста, который не положил бы предельной своей задачей выделение означающего как такового - в первую очередь путем отделения его от смысла.

Я говорю с вами о русле знака, чтобы обозначить связь его с означающим. Но означающее отличается от знака тем, что вся батарея его заранее дана в языке.

Говорить о коде не годится - именно потому что тем самым предполагается уже некий смысл.

Означающая батарея языка дает нам **[[Язык есть условие смысла]]** в распоряжение лишь шифр смысла. Каждое слово принимает в нем в зависимо-

19

сти от контекста широчайшую и бессвязную гамму смыслов, разношерстность которых в большинстве случаев удостоверяется словарем.

То же верно порою и для целых фразовых словосочетаний. Такова, например, фраза *"les non-dupes errent"*, которую взял я на вооружение в этом году.

Ясно, что письмо упирается здесь в грамматику, которая и свидетельствует поэтому о Реальном, но о Реальном, которое так и остается, как известно, загадкой, пока не вырисовываются рельефно в **[[объект(а)]]** анализе псевдо-сексуальные его пружины, - Реальном, иными словами, которое, будучи способно по отношению к партнеру лишь на обман, вписывается в общую картину в качестве невроза, перверсии или психоза.

Благодаря Фрейду мы знаем, что фраза «я ее не люблю» разворачивается в целую серию отголосков.

На самом деле именно способность любого означающего, от фонемы до фразы, послужить в качестве зашифрованного («персонального», как говорили по радио во время войны) послания и позволяет ему выступать в качестве самостоя-

20

тельного объекта; именно эта способность и обнаруживает, что не что иное, как означающее ответственно за то, что в мире, в мире говорящего существа, **[[Достаточно ли одного означающего, чтобы обосновать означающее "Единое"?]]** имеется что-то наподобие

Единого, или элемента, - того, что греки называли **στοιχείο**.

То, что обнаружил в бессознательном Фрейд, - и я не нашел в данный момент ничего лучшего, как призвать обратиться к самим текстам его, чтобы в моей правоте убедиться, - не имеет ничего общего с наблюдением, будто всему, что мы знаем, можно, ссылаясь на испокон веку присущее глаголу «познать» метафорическое значение (вот оно, русло смысла, которое эксплуатировал Юнг!), придать в общем и целом сексуальный смысл. Только Реальное позволяет действительно развязать тот узел, из

которого состоит симптом, - узел означающих. **[[** Глаголы *вязать* и *развязывать* не следует здесь воспринимать как метафоры - я говорю о тех узлах, что реально сплетаются в цепочку означающей материи.

Ибо цепочки эти суть не цепочки смысла, а цепочки блажи, блаженства, наслаждения - говорите как хотите,

21

пользуясь той двусмысленностью, которая и является для означающего законом.

Я полагаю, что средству, по праву именуемому психоанализом, мне удалось придать, вопреки царящей в нем сегодня неразберихе, новую значимость.

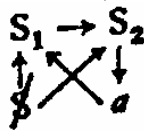
22

III. [Etre un saint] [Быть святым]

Психологи, психотерапевты, психиатры, другие работники, занятые в сфере охраны психического здоровья, - люди эти всерьез, без всяких поблажек взвалили на свои плечи все страдание и убожество мира. Чем же занят тем временем психоаналитик?

Совершенно ясно, что взвалить на свои плечи, как выразились Вы, страдание и убожество, значит включиться тем самым в дискурс, который их обуславливает, даже если делается это исключительно

для того, чтобы выразить против них свой протест. ||

Уже одно то, что я это говорю, задает для

23

меня некоторую позицию, которую иные расценят как осуждение политики. Что, на мой взгляд, для кого бы то ни было совершенно исключено.

Впрочем, все занятые в сфере психиатрии люди - все те, кто несут упомянутое Вами бремя, - должны не протестовать, а сотрудничать. Что они как раз и делают, отдают они себе в том отчет или нет.

Сколь легко - возражаю я, без труда обращая доводы моих противников против них самих, - сколь легко воспользоваться идеей дискурса, чтобы свести суждение к обусловившим его обстоятельствам! Поразительно то, что лучшего возражения против меня у них не нашлось: это, мол, интеллектуализм! Когда нужно разобраться, кто прав, аргумент этот не имеет силы.

Тем более что, связывая это страдание и убожество с дискурсом капитализма, я как раз этот последний и разоблачаю.

Хочу, правда, заметить, что делать это всерьез я не могу - ведь разоблачая капитализм, я укрепляю его, ибо тем самым я его морализую, можно сказать, совершенствую.

24

Позвольте сделать одно замечание. Я вовсе не строю свою идею дискурса на вне-существовании бессознательного. Напротив, расположение бессознательного задается для меня тем, что существует оно лишь постольку, поскольку вне-существует дискурсу.

Вы и сами прекрасно это понимаете: **[[Бессознательное во фрейдовском смысле существует лишь постольку, поскольку оно вне-существует аналитическому дискурсу,]]** не случайно из замысла, в тщетном покушении осуществить который я Вам признался, вы исключили вопрос о будущем психоанализа.

Бессознательное существует, лишь вне-существуя дискурсу, - тем более что и заявляет-то оно о себе с полной ясностью лишь в дискурсе истерика, тогда как в других местах это всего лишь прививка - даже, как ни удивительно покажется это на первый взгляд, в дискурсе аналитика, где его всего-навсего культивируют.

К слову, подразумевает ли понятие бессознательного, **[[хотя выслушивали его и прежде, но в качестве чего-то иного.]]** что его кто-то выслушивает? По-моему, да. Но помимо дискурса, которому бессознательное вне-существует, оценка его в качестве знания, которое не думает, не рассчитывает и не судит, им самим отнюдь не подразумевается

25

ется - что не мешает ему (во время сна, например) работать. Это, можно сказать, **[[Это знание, которое работает]]** и есть тот идеальный работник, которого Маркс представляет эдаким венцом капиталистической экономики - в надежде, что он возьмет на себя дискурс господина, как это, хотя и в самой неожиданной форме, действительно и произошло. Там, **[[без господина-S₂//S₁]]** где речь идет о дискурсе, нередко имеют место сюрпризы - больше того, в этом-то бессознательное и дает как раз о себе знать.

Дискурс, именуемый мною аналитическим, - это не что иное, как обусловленный практикой анализа вид социальных связей. Среди тех связей, что остаются в нашем обществе действенными, он по достоинству может расцениваться как одна из самых фундаментальных.

Однако из системы, в которой общественные связи между аналитиками реализуются, сами-то Вы как раз и исключены - разве не так?

Что касается "Общества" - якобы международного, хотя все это немного притянута за уши, так как дела давно реша-

26

ются в семейном кругу, - то я хорошо знал его еще тогда, когда оно было в руках прямого и приемного потомства Фрейда; если позволите - хотя должен предупредить, что я выступаю при этом и как судья, и как одна из тяжущихся сторон, а следовательно, сторонник, - то я сказал бы, что в

настоящее время оно превратилось в "Общество Взаимной Защиты от Аналитического Дискурса", ОВЗоАД.

Черт ОВЗоАД!

Они, видите ли, знать не желают того самого дискурса, которым само их существование обусловлено. Но это обстоятельство отнюдь не исключает их из аналитического дискурса, так как функции аналитиков они выполняют, то есть существуют люди, которые осуществляют собственный анализ *вместе с ними*.

Требованиям этого дискурса они, следовательно, удовлетворяют, хотя и пребывают в заблуждении относительно некоторых его последствий. Благоразумие, в целом, не покидает их - даже не будучи истинным, оно, возможно, идет им на пользу.

К тому же если кто чем и рискует, так

27

это они сами.

Вернемся, однако, к вопросу о психоаналитике. Не стоит ходить вокруг да около - все равно мы рано или поздно придем к тому самому, что я сейчас хочу вам сказать.

Дело в том, что с точки зрения объективной лучше всего его позицию можно было бы определить исходя из того, что называлось некогда "быть святым".

При жизни святой отнюдь не внушает уважения, доставляемого порой ореолом святости.

Никто не замечает его, ибо следует он правилу Бальтазара Грасиана: не бросаться в глаза - тому самому, что ввело в заблуждение Амело де ла Уссэ, решившего, будто пишет Грасиан о придворном.

Хочу объяснить: святой не творит милости, не делает ничего на потребу. **[[Объект(а) воплотил]]** Скорее он становится сам отречьем, он непотребствует. Пытаясь тем самым осуществить то, чего требует сама структура, - позволить субъекту, субъекту бессознательного, принять его за причину своего желания.

28

Собственно, именно омерзительность этой причины и дает пресловутому субъекту возможность в структуре, по меньшей мере, сориентироваться. Для самого святого все это не так уж весело, но, насколько я представляю себе, для некоторых телезрителей сказанное мною в странную картину существования святых прекрасно вписывается.

Что следствием этого является наслаждение - кто знанию сему и сладости сей непричастен? И лишь святой остается ни с чем, с пустыми руками. Именно это в первую очередь и поражает. Поражает тех, кто присматривается и воочию убеждается: святой - это отброс наслаждения.

Порою, однако, бывают и у него передышки, которыми он, как и весь мир, скромно довольствуется. Он наслаждается. На это время он упраздняется. Конечно, лукавые недоброжелатели подстерегают его, чтобы извлечь из этого повод покрасоваться самим, - не без этого. Но святому на это наплевать, как наплевать ему и на тех, кто воображает, будто в наслаждении этом его награда и состоит. Что, разумеется, просто смешно.

29

Ибо на справедливость распределения ему тоже наплевать - именно с этого безразличия все для него часто и начинается.

На самом деле святой не видит за собой никаких заслуг, что не означает отсутствия у него всякой морали. Окружающим досадно одно: они не видят, к чему это все может его привести.

Что касается меня, то я мыслю до умоисступления, ради того чтобы подобные им появились вновь. Наверное оттого что мне не удалось достичь этого самому.

Чем больше святых, тем больше люди смеются - вот мой принцип. Больше того, это и есть выход из дискурса капиталиста - что большим достижением отнюдь не станет, разве что для некоторых.

30

IV. [Ces gestes vagues dont de mon discours on se garantit] [Эму туманные жесты, призванные заручиться авторитетом моего дискурса]

Прошло двадцать лет с тех пор, как Вы впервые сказали, что бессознательное структурировано как язык, и все эти годы Вам возражают в разных формах одно и то же: ((Все это лишь слова, слова, слова. А как быть с тем, что себя словами не обременяет, - с quid психической энергии, аффектом, влечением?))

Вы подражаете здесь тем жестам, которыми они, в ОВЗоАДе, внушают вам, будто вы имеете дело с фамильным их достоянием.

Ибо Вы, конечно, прекрасно знаете, что, по меньшей мере в Париже, они, в

31

ОВЗоАДе, питаются лишь тем, что им доставляет мое учение. Оно просачивается отовсюду, оно

подобно сильному ветру, который приносит с собой прохладу. Тогда-то и повторяют они старые жесты, сбиваясь потеснее в конгресс, чтобы согреться.

Ибо, говоря сегодня об ОВЗоАДе, я делаю это вовсе не на потеху телезрителям и не из желания кому-то показать нос. Не в качестве посмешища задумана была Фрейдом организация, которой сам он аналитический дискурс завещал. Фрейд прекрасно знал, что испытание этим дискурсом будет суровым, - опыт первых его последователей послужил ему хорошим уроком.

Возьмем для начала вопрос о естественной энергии.

Естественная энергия - это такой мячик, с которым удобно упражняться, доказывая, что у тебя тоже на сей счет есть что сказать. Энергия - вы сами наклеиваете ей ярлычок естественной, потому что для них то, что она естественная, разумеется само собой, - создана для того, чтобы ее

32

расходовали, по мере того как запруда, стоящая на ее пути, направляет ее в полезное русло. Беда лишь в том, что естественной ее можно назвать разве что постольку, поскольку наша плотина вписывается в окружающую картину.

Говоря, будто расходуется при этом некая «жизненная сила», **[[Мифо либидо]]** мы прибегаем к грубой метафоре. Ибо энергия - это не вещество, которое со временем облагораживается или скисает, а постоянная числовая величина, которую должен рассчитать физик, чтобы делать свою работу.

Делать в соответствии с той чисто механической динамикой, которая успела сложиться в эпоху от Галилея до Ньютона, - той самой, которая до сих пор лежит в основе того, что с большим или меньшим на то правом именуют физикой, дисциплиной строго верифицируемой.

Без этой постоянной величины, представляющей собой не более чем комбинацию вычислений, физика просто не существует. Считается, что об этом заботятся сами физики, чьи уравнения связывают массы, поля и импульсы таким образом, что числовой результат их удовле-

33

творяет принципу сохранения энергии. Но ведь для того, чтобы формула удовлетворяла требованию верифицируемости, необходимо, чтобы принцип этот можно было заранее сформулировать, - а это, по выражению Галилея, факт ментального опыта. Другими словами, требование математической замкнутости системы имеет вес даже больший, нежели предположение о ее физической изоляции.

Все это придумал не я. Любой физик ясно отдает себе отчет, то есть с готовностью признается себе, в том, что энергия есть лишь цифровое, шифрованное выражение постоянства.

Что же касается того, что вычленяет в качестве первичного процесса в бессознательном Фрейд, - это уже я говорю, но каждый может пойти и убедиться сам, -то это нечто такое, что не столько шифруется, сколько, наоборот, расшифровывается. И я утверждаю: это не что иное, как само наслаждение. Но тогда оно не представляет собой энергии и в качестве таковой никуда не вписывается. **[[Энергетика наслаждения неподдается обоснованию]]**

Схемы второй топики, с помощью которых Фрейд пытается эту задачу решить, - знаменитое куриное яйцо напри-

34

мер - это поистине *pudendum*, и давали бы повод для анализа, если бы Отец вообще анализу подлежал. Я лично считаю, что анализ реального Отца исключен, а для Отца воображаемого наилучшим решением является плащ Ноя.

Так что полезнее будет задать вопрос о том, чем отличается научный дискурс от дискурса истерического, в котором Фрейд, надо сказать, судя по меду, на этой пасеке им собранному, был знатоком весьма искусственным. Ведь то, что он придумал, это как раз и есть своего рода работа пчел, работа существ не думающих, не рассчитывающих, не выносящих суждений - то самое, о чем я здесь уже говорил. Хотя не исключено, конечно, что фон Фриш думает об этом совсем иначе.

Напрашивается вывод, что научный дискурс и дискурс истерический имеют *почти* одну и ту же

структуру **[[a, S1, S2, S3, S4]]**, что и объясняет заблуждение, которое пытается Фрейд внушить и нам, - его надежду на термодинамику, где бессознательное нашло бы в научном будущем свое посмертное обоснование.

На сегодня можно утверждать, что

35

спустя три четверти века ни малейшего признака, что обещание это окажется выполнено, не вырисовывается; больше того, мы далеки стали от мысли положить в основу первичного процесса принцип, который, именуясь принципом удовольствия, ничего ровным счетом не доказывал бы - разве лишь то, что от души, в которую впилась мы, как блохи в собачье пузо, нам так и не оторваться. Ибо знаменитое наименьшее напряжение, **[[Благоискусное слово не скажет, где находится Благо.]]** с помощью которого выводит Фрейд определение удовольствия, - что это, если не этика Аристотеля?

Это ни в коем случае не тот гедонизм, что сделали своим знаменем эпикурейцы. У тех обязательно

должно было оставаться за душой нечто драгоценное, еще более потаенное, чем у стоиков, что они от своего гедонизма оберегали, - недаром же ради этого знамени, за которым сейчас не стоит ничего, кроме психики, терпели они оскорбления, позволяя называть себя свиньями.

Как бы то ни было, лично я остановился на Никомахе и Эвдеме, собственно говоря, Аристотеле: именно от него отталкивался я в создании этики психоанализа -

36

лиза - этики, дорогу которой мне в течение целого года пришлось прокладывать .

История с аффектами, которые я, будто бы, игнорирую, совершенно в этом же роде.

Пусть ответят мне лишь на один вопрос: аффект, он имеет отношение к телу? **[[Существо не находится в гармонии с миром,]]** Выброс адреналина - это тела касается или нет? Это нарушает его функции, я согласен. Но в каком смысле это идет от души? На самом деле адреналин выбрасывается мыслью.

Поэтому взвесить нужно прежде всего следующее: действительно ли мой взгляд, согласно которому бессознательное структурировано как язык, **[[если это существо говорящее]]** позволяет оценить аффект более серьезно, нежели другой, который видит во всем этом что-то вроде перестановки мебели ради вящего удобства. Ведь именно этот последний мне и противопоставляют.

Сводится ли то, что говорю я о бессознательном, к простому ожиданию, что аффект свалится вам прямо в рот — адекватный, как поджаренная прямо в воздухе куропатка? *Adequatio* еще более смехотворное, оттого что доводит до абсурда

37

другое, сработанное на славу, говоря на сей раз о соответствии *rei*, вещи, аффекту, *affectus*, который и делается отныне ее новым пристанищем. Нужно было дожить до нашего времени, чтобы услышать от медиков нечто подобное.

Я всего-навсего вернулся к тому, о чем Фрейд в своей посвященной вытеснению статье 1915 года, как и в других статьях, где он к этой теме обращался, заявлял сам, - а именно, что аффект смещен. Как оценило бы себя это смещение, если не посредством субъекта, **[[Метонимия является для тела правилом,]]** наличие которого тот факт, что он является здесь лишь производным от представления, все равно так или иначе предполагает?

Лично я объясняю это влиянием «шайки», как называл ее Фрейд, так как сам, должен признаться, имею дело с точно такой же. Однако, обратившись к переписке с Флиссом (к письму, которое в единственном имеющемся у нас издании этой переписки оказалось опущено), я показал, что представление это, и именно представление вытесненное, есть не что иное, как структура, **[[.лтому что субъект мысли выступает в метафорическом облике.]]** причем именно постольку, поскольку прямо связана с постулатом означающего. См. письмо 52

38

- вы найдете там этот постулат написанным черным по белому.

Как можно настаивать на том, что я игнорирую аффект и чваниться своим вниманием к нему, когда свежо еще в памяти, как целый год, последний год моих семинаров в госпитале Святой Анны, посвятил я теме *тревоги*?

Некоторые из вас с тем созвездием, в котором я отвел ей место, уже знакомы. Различия, проведенные мной между смущением, затруднением, замешательством, убедительно говорят о том, что аффектами я отнюдь не пренебрегаю.

Да, это правда, что аналитикам, проходившим подготовку в ОВЗоАДе, запрещалось посещать мои лекции в госпитале Святой Анны.

Я об этом не сожалею. Именно в том году, объяснив тревогу исходя из предмета, с которым она связана - а вовсе не лишена его, как до сих пор считают психологи, которые кроме отличия тревоги от страха так ничего нового к ее пониманию и не добавили, - исходя, повторяю, из этого помета, как я теперь свой объект (*a*) называю, я произвел на окружающих

39

столь сильное впечатление, что под влиянием этого аффекта один из них, испытав головокружение (с которым ему, однако, удалось справиться), от меня как от пресловутого объекта освободился.

Если мы заново рассмотрим аффект с позиций того, что было мной о нем сказано, мы так или иначе вернемся к тому, что высказано о нем беспорного.

Сама резекция «страстей души», как гораздо точнее именуется эти аффекты Св. Фома, резекция, которая начиная с Платона следовала членению тела - голова, сердце и даже, как он выражается, **ἐπιθυμία**, надсердие, - разве не свидетельствует она о том, что подход к ним возможен лишь через тело, которое, я повторяю, аффицируется исключительно структурой?

Я покажу сейчас пример подхода, позволяющего извлечь серьезные выводы -я хочу сказать, целую серию выводов - из того бессознательного, что оказывается в этих производных явлениях преобладающим.

Возьмем, например, грусть - ее обычно называют депрессией, полагая носите-

40

лем ее либо душу, либо психологическое напряжение в духе философа Пьера Жане. Но ведь это вовсе не состояние души, это просто-напросто моральный изъян, или, как выражался Данте, да и Спиноза тоже, грех, то есть нравственная трусость, существующая, по сути дела, в координатах мысли, иначе говоря, долга говорить искусно, **[[Есть лишь одна этика - этика искусного слова.]]** найдя тем самым свое место в бессознательном, внутри структуры.

Но стоит этой трусости, оборачивающейся отвержением бессознательного, сделать шаг к психозу, как немедленно следует возвращение того, что было отвергнуто, языка, в реальное; тут-то и возникает маниакальное возбуждение, в силу которого подобный возврат смертелен.

На полюсе, грусти противоположном, лежит «веселое знание» - оно представляет собой добродетель. Добродетель никому грех не отпустит - он, как известно, первороден. Добродетель, которую я именую «веселым знанием», является тому примером, явственно обнаруживая, что состоит она не в том, чтобы понять, нырнуть в смысл, а в том, чтобы проскользнуть к его поверхности как

41

можно ближе, но не слипаясь с ним и испытывая поэтому наслаждение от расшифровки, **[[и одно знание - знание бессмыслицы.]]** откуда следует, что для «веселого знания» смысл, в конечном счете, оборачивается грехопадением.

Где же во всем этом то, что составляет счастье? Да везде. Субъект счастлив. Больше того - это и есть его определение, ибо он не может никому быть обязан ничем, **[[На "свидании" с (а).]]** кроме часа, другими словами - счастья, фортуны, и всякий час благоприятствует тому, что хранит его, то есть тому, чтобы он повторял себя.

Удивительно не то, что он счастлив, не подозревая о том, что его к этому приводит, то есть о зависимости своей от структуры, а то, что у него возникает идея блаженства - идея, заходящая настолько далеко, что он чувствует себя из этого рая изгнанным.

К счастью, нашелся поэт, который нам секрет выболтал, - Данте, которого я уже здесь цитировал, да и другие с ним - не чета тем, кто живет жалкими перепевами классики.

Взгляд, взгляд Беатриче, трижды ничто, **[[если это наслаждение женщины.]]** ресничный взмах и изысканное отребье в итоге: глядь, и возник Другой, в ко-

42

тором непозволительно не узнать как раз ее наслаждение - наслаждение той, кого он, Данте, удовлетворить не может, ибо, кроме взгляда, этого объекта, ничего от нее получить не в силах, **[[Другой обретает вне-существование.]]** но кого сполна, по его словам, утешает Бог (больше того, уверения в этом получаем мы - так уж устраивает поэт - из собственных ее уст).

Что не может нам не надоесть. Слово, жонглируя буквами которого, как делают это порою на киноэкране, получим что-то вроде другого слова - «единость», **[[но вовсе не субстанцию Единого.]]** которым и обозначаю я идентификацию Другого с Единым. Я имею в виду то мистическое Единое, которому комический другой, играющий в платоновском *Пире* столь заметную роль, - другой по имени Аристофан - находит изобретательный эквивалент в животном о двух спинах, рассечение которого вменяет он в вину бессильному поступить иначе Юпитеру - поступок, прямо скажем, гнусный: я уже говорил, что делать так не годится. Реального Отца в столь неприличные вещи не впутывают.

Тем не менее грешен этим и Фрейд **[[Ибо "ничто не является всем" в вереницах означающих.]]** -ведь Эросу, который противопоставлен у него Танатосу в качестве принципа

43

«жизни», вменяет он именно функцию единения, словно кто-то, помимо краткого соединения в половом акте, может подобное слияние двух тел в одно засвидетельствовать!

Так и получается, что аффект, которому по природе свойственно обитать в языке, оказывается в теле (я нарочно упешряюсь здесь вороньими перьями -они нынче в большей цене, чем мои собственные) - оказывается, повторяю, оттого что не находит себе жилища, **[[аффект представляет собой нестроение.]]** - во всяком случае, по своему вкусу. Называют это унынием, дурным настроением. Что это на самом деле - грех, сумасшедшинка, или подлинное прикосновение Реального?

Так что было бы куда лучше, если бы ОВЗоАД воспользовалось для того, чтобы его, этот аффект, исполнить в другой тональности, моей скрипичкой. Все было бы лучше, чем поднимать гвалт.

Толкуя влечения в туманных жестах, призванных заручиться авторитетом моего дискурса, вы оказываете моим заслугам честь слишком высокую, чтобы заслужить за это мою признательность -

44

Вы сами, столь мастерски транскрибировавший мой XI-й Семинар, лучший тому свидетель: кто, как не я, сумел пойти на риск, впервые решившись о влечениях заговорить вслух?

Именно в Вашем лице впервые я нашел слушателя, который не ухитрился, уныло развесив уши, расслышать, будто я придаю Единому черты Другого - а именно в этой мысли упорствует человек, пригласивший меня туда, где я впервые был Вашего внимания удостоен.

Кто, прочтя главы 6, 7, 8, 9 и 13, 14 Семинара XI, не почувствует, как много мы выигрываем, когда, вместо того чтобы передавать немецкое *Trieb* словом «инстинкт», точно описываем влечение

термином «отклонение», **[[.а влечение-отклонение, сдвиг.]]** поверяя анализом и вновь восстанавливая, вслед за Фрейдом, его причудливость?

Кто, следуя моему ходу мыслей, не почувствует разницу между энергией, той всякий раз подающейся определению константой Единого, на которой построена экспериментальная составляющая современной науки, и *Drang'om*, или порывом влечения, которое, будучи, разумеется, наслаждением, лишь от границ

45

тела получает - я собирался как раз найти этому математическое выражение - свое постоянство? Постоянство, состоит которое лишь в четверичной инстанции, где каждое влечение сохраняется, благодаря тому что сосуществует с тремя другими. Будучи силой, четверица дает ключ к разобщению, которое желательно предотвратить, - разобщению между теми, кого пол сам по себе еще не может сделать партнерами.

Я, разумеется, не применяю ее для проведения различия между неврозом, перверсией и психозом. **[[Так что я не могу сказать, что ты для меня такое.]]**

Я сделал это в другом месте, следуя повсюду тем обходным тропам, которые торит, вновь и вновь возвращаясь на круги своя, бессознательное. И фобия маленького Ганса возникла, как показал я это, именно там - там, где гулял он с Фрейдом и своим отцом и куда аналитики страшатся за ними с тех пор последовать.

46

V. [*L'égarement de notre jouissance*] [*Когда наше наслаждение сбилось с пути*]

Часто приходится слышать такую песню: тому, что с наслаждением дело обстоит хило, причиной, мол, сексуальные запреты, виной которым, в свою очередь, во-первых, семья, во-вторых, общество, в-третьих, капитализм. Вот, собственно, и вопрос.

Что ж, это вопрос - позволю себе это сказать, ибо вопросы Ваши, я их обговариваю, - вопрос, в котором можно расслышать Ваше собственное желание знать, как на него могли бы, при случае, ответить Вы сами. Ответить в случае, если бы он был поставлен вам не конкретным лицом, а скорее голосом - голосом, кото-

47

рый иначе и не представить себе, как раздающимся из телящика, голосом, который, ничего не говоря, поэтому и не вне-существует, - голосом, тем не менее, во имя которого я и даю вне-существование следующему ответу, который представляет собой не что иное, как интерпретацию.

Вы, прямо скажем, прекрасно *знаете*, что ответ у меня есть на все, пользуясь чем и предлагаете

$$a \rightarrow S$$

мне вопрос, **[[S_2]]** следуя в этом известной пословице: предлагают займы только богатому. И правильно делаете.

Кто не знает, что успехом своим я обязан аналитическому дискурсу? В этом смысле я, можно сказать, *self-made man*. Бывали такие и раньше, но это дело прошлое.

Фрейд вовсе не говорил, будто вытеснение *происходит* из подавления, то есть, образно говоря, обязано своим возникновением тому, что папа, увидев, как малыш теребит себе пипку, грозитя:

«Гляди, будешь так снова делать, ее тебе точно отрежут!»

Совершенно естественно, однако, что

48

при уяснении своего опыта Фрейду пришло в голову исходить именно из подавления - то есть из того самого, что служит определением этому опыту в аналитическом дискурсе. Заметим, впрочем, что с каждым дальнейшим шагом Фрейд все более склонялся к мысли, что первичным было именно вытеснение. **[[Первичное вытеснение]]** В этом, вообще говоря, переключение на вторую топику и состоит. Гурманство, характеризующее у него сверх-Я, принадлежит структуре - это не следствие цивилизации, а «недовольство (симптом) внутри цивилизации».

Так что налицо основания проверить все заново, исходя из того, на сей раз, что подавление производится вытеснением. Общество, семья - не зиждятся ли они сами на вытеснении? Поистине так, но возможно это лишь постольку, поскольку вне-существование бессознательного и мотивация его идут от структуры, то есть от языка. Фрейд подобное решение нимало не исключает - более того, именно для того чтобы окончательно остановиться на нем, набрасывается он с таким ожесточением на дело «человека с волками» — которому это, по всему судя, отнюдь не идет на пользу. Похоже, однако,

49

что неудача эта, неудача в конкретном случае, обернулась в конечном счете удачей куда более значительной - установлением Реального самих фактов.

Если оно, Реальное это, остается загадочным, следует ли относить эту загадочность на счет аналитического дискурса в качестве некоего, в свою очередь, социального образования?

Средство одно: проект науки, которая позволила бы овладеть сексуальностью, -сексология была в ту пору не более чем проектом. Проектом, к которому Фрейд -он сам на этом настаивает - испытывал доверие. Доверие, в котором он не стесняется признаваться, что красноречиво свидетельствует о его этических принципах.

Итак, аналитический дискурс, со своей стороны, является многообещающим - он обещает ввести нечто новое. **[[Новое в любви]]** Причем новое это, что имеет колоссальную важность, принадлежит той области, откуда происходит бессознательное, ибо тупики его обнаруживаются - пусть не все, но преимущественно - в любви.

Конечно, о новости этой, давно став-

50

шей притчей во языцах, мир уже слышан - но в чувство это никого не приводит, по той простой причине, что новое это трансцендентно, трансцендентно в том смысле, в котором понимается соответствующий знак в теории чисел, то есть в смысле математическом.

Не случайно поэтому носителем этого нового стало именование пере-нос.

Чтобы привести своих окружающих в чувство, я артикулирую этот перенос как «субъект, который предполагается знающим». Тут налицо своего рода объяснение, развертывание того, что слово это лишь впопыхах нащупывает, а именно, что субъект, посредством переноса, предполагается у того знания, из которого он как субъект бессознательного и состоит, и что как раз оно-то и переносится на

аналитика **[[S:]]** - то самое знание, что, не думая, не рассчитывая и не рассуждая, имеет, тем не менее, своим следствием выполненную работу.

Не стоит эти ориентиры переоценивать, но выглядит это так, словно я заманиваю их игрою на дудочке - или, что еще хуже, словно у них по моей вине играет очко.

51

Эти уж мне милозвонцы из ОВЗоАДа -они не решаются. Туда, куда это ведет, они не готовы сделать ни шагу.

Я ли не лезу для этого из кожи вон! «Аналитика никто не уполномочивает, кроме него самого», - провозглашаю я. Я устанавливаю в Школе критерий «перехода», суть которого -в изучении того, что именно склоняет проходящего анализ к занятию позиции аналитика, - изучении, никого ни к чему не принуждающем. Должен признаться, что получается это пока неважно, но в Школе этим занимаются, а существует Школа совсем не так уж давно.

Не то чтобы я всерьез надеялся, будто за пределами Школы прекратят возвращать перенос его отправителю. Перед нами исключительная принадлежность пациента, его единственность, соприкосновение с которой диктует нам в качестве условия своего осторожность, и прежде всего - более даже, нежели в работе с ней - в ее оценке. Здесь к этому кое-как приспособились - но куда может зайти дело там?

Одно я знаю наверняка: аналитический дискурс не может держаться на ком-то

52

одном. Я счастлив, что находятся люди, которые за мной следуют. Это значит, что у дискурса есть шанс. **[[Трансфинитность дискурса]]**

Никакое брожение - им же и возбуждаемое - не в силах было бы отменить его собственное свидетельство о том лежащем на сексе проклятии, что упоминается Фрейдом в «Недовольстве».

[[Невозможна искусная речь о сексуальности.]] Если о тоске, даже об угрюмости, я в связи с «божественной» версией любви уже говорил, как не признать, что оба аффекта эти выдают себя - в словах и даже в действиях - у тех молодых людей, которые вступают в связи, никакого подавления не испытывая, причем самое замечательное, что те самые аналитики, у которых черпают эти молодые люди свою мотивацию, выслушивают их неодобрительно поджав губы.

Даже если бы воспоминания о подавлении в семье были неправдой, их следовало бы выдумать, без чего, в действительности, дело и не обходится. Миф как раз это самое и есть - попытка облечь то, что обусловлено самой структурой, в эпическую форму.

Тупик сексуальности выделяет, **[[...и дело тут в структуре.]]** по-

53

добно железе, фикции, рационализирующие невозможное, которое этот тупик создало. Я не говорю, что фикции эти -плоды воображения, в них читается мне, как и Фрейду, приглашение к Реальному, которое и выступает их поручителем.

Устройство семьи всего-навсего обнаруживает наглядно ту истину, что Отец **[[.читай миф об Эдипе]]** -это вовсе не биологический производитель, а женщина так и остается для мужичонки заражена Матерью; все остальное просто отсюда следует.

Я бы не сказал, что придаю большое значение заметному у этого мужичонки вкусу к порядку - тому,

что он высказывает, говоря, к примеру: «Лично я (*sic*) терпеть не могу анархии». Порядок или строй - там, где он хоть в малейшей мере присутствует, - имеет то свойство, что ценить его не приходится: он заведен и все тут.

Это уже во время оно, к счастью, где-то произошло, и самое время теперь показать, что даже с зачатками свободы дело обстоит как нельзя хуже. Это капитализм, заново приведенный в порядок. Впрочем для секса, потому что капитализм, на самом деле, начинается именно с этого

54

- с отправки секса на свалку.

Вы держитесь левых взглядов, но насколько я знаю, не в отношении секса. Ибо левизна сексуальная всецело опирается на аналитический дискурс - в том виде, в котором он на сегодняшний день вне-существует. А вне-существует он скверно, лишь усугубляя собою лежащее на сексуальности проклятие. В чем и дают о себе знать опасения его перед этикой, ориентиром которой стало у меня искусное слово.

Не сводится ли это к признанию, что в науке любви от психоанализа ждать помощи не приходится? Откуда можно заключить, что надежды вновь возлагаются на сексологию.

Наоборот: как я только что дал понять, это от сексологии, скорее, ожидать нечего. Наблюдая над тем, что лежит в сфере наших чувств, то есть над перверсией, ничего нового нам в любви выстроить не удастся.

Бог, напротив, вне-существовал с таким успехом, что язычество населило ими целый мир, хотя никто в этом деле

55

так ничего и не понял. Вот к чему мы возвращаемся.

Слава богу, как говорится, другие традиции уверяют нас, что в старое время встречались люди более здравомыслящие

- в даосизме например. Жаль лишь, что казавшееся здоровым для них нас больше не трогает, ибо наслаждения в нас более не возбуждает. **[[Мудрость?]]**

Но беспокоиться не стоит, если Путь лежит, как я и говорил, через Знак. Ибо если обнаруживается при этом наглядно

- точнее, удостоверяется фактом своего наглядного обнаружения - некий тупик, то это дает нам единственный шанс прикоснуться к Реальному в чистом виде - как тому самому, что не позволяет нам высказать о нем *всю* правду.

Нельзя **богоТворить** любовь, не проделав этих рассуждений **[[говорить значит Боготворить]]**, комплекс которых не позволяет себя выговорить без словесного выверта.

Сами Вы вовсе не говорите с молодежью по Вашему собственному выражению "поджав губы". Это уж точно: недаром бросили Вы им однажды

56

в Венсенне следующую фразу: «Будучи революционерами, вы желаете получить господина. И он у вас будет». Короче говоря, Вы лишаете молодежь присутствия духа.

Они меня на свой тогдашний манер доставали. Нужно же мне было отреагировать!

Реакция была настолько точной, что они теперь ломаются на мой семинар. Предпочитая, одним словом, кнуту мой пряник.

Почему столь уверенно пророчите Вы новую волну расизма? И к чему, собственно, об этом нужно вслух заявлять?

Потому что это, на мой взгляд, не смешно и потому что, как-никак, это правда. В условиях, когда наше наслаждение сбилось с пути, ориентиром ему служит только Другой, но происходит это лишь постольку, поскольку мы отделены от него. Откуда и фантазмы - неслыханные в те времена, когда столпотворения еще не было.

57

Предоставить Другого его собственному образу наслаждения возможно лишь при условии, что мы не станем навязывать ему своего, не станем относиться к нему как к недоразвитому.

Учитывая к тому же зыбкость нашего собственного образа наслаждения, единственным ориентиром которому остается избыток наслаждения, наслаждение «прибавочное», - образа, который и высказать-то себя не может иначе, как через это последнее, - можно ли надеяться на сохранение и в дальнейшем той командной «гуманитарности», в которую наше вымогательство до сих пор облакалось?

И если Бог, обретя в результате новые силы, обратится вне-бытием, ничего хорошего, кроме возврата его злополучного прошлого, это нам не сулит.

VI. [*Savoir, faire, esperer*] [*Знать, делать, надеяться*]

Три вопроса резюмируют для Канта в Каноне его первой Критики то, что он называет «интересом нашего разума»: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что позволительно мне надеяться?» Формула, которая восходит, как вы знаете, к средневековой экзегетике, точнее - к Агостино из Дакки. Именно ее цитирует, подвергая критике, Лютер. Итак, вот упражнение, которое я предлагаю Вам: ответить, в свою очередь, на эти вопросы либо оспорить саму правильность их постановки.

Термин «те, кто меня слышит» должен,

59

видимо, для слуха тех, кого он касается, получить теперь, когда звучат в нем Ваши вопросы, несколько иную окраску, вплоть до того, что им станет ясно, насколько мало мой дискурс служит на них ответом.

Даже если бы вопросы эти подействовали таким образом на меня одного, действие это все же оставалось бы объективным, ибо меня-то, мое собственное Я, и делают они объектом, а делают постольку, поскольку в момент осознания того, что он, дискурс, подобные вопросы исключает, оно из этого дискурса выпадает - выгода чего (для меня, вы уж поверьте, вторичная) состоит в возможности объяснить себе то, над чем ломаю я голову, когда дискурс этот из года в год продолжаю: многочисленность аудитории, которую он собирает, - на мой взгляд, ему вовсе не соответствующую. Если аудитория эта не получает на свои вопросы ответа - оно для нее только к лучшему.

Есть, как видите, у меня повод взойти на борт вашей кантовской флотилии, подвергнув свой дискурс испытанию иной для него структурой.

60

Так что же я, все-таки, могу знать?

Вопроса о том, что можно знать, мой дискурс не допускает, ибо исходит из того **[[*"Я ужезнал это"*]]**, что предполагает это нечто в качестве субъекта бессознательного.

Для меня не был, конечно, секретом, тот шок, которым обернулись для дискурса современников идеи Ньютона, как и тот факт, что именно от этого шока ведет свое происхождение мысленная эквилибристика Канта. В споре со Сведенборгом Кант мог бы, предвосхищая анализ, подойти к его границам вплотную, однако, соприкоснувшись с Ньютоном, вернулся в колею философии, искренне полагая, будто мысль Ньютона воплощает собой итоговое ее достижение. Исходи Кант из ньютоновых комментариев на книгу Даниила - и то навряд ли сумел бы он истоки бессознательного обнаружить. Вопрос характера.

Настало время приоткрыть хоть отчасти то, чем отвечает аналитический дискурс на несуразность вопроса «что я могу знать?». Итак, ответ: **[[*«a priori» - это именно язык.*]]** Ничего - по крайней мере, что не имело бы структуры языка, откуда следует, что то, до какой границы

61

я *внутри* этих пределов дойду, есть исключительно вопрос логики.

Это подтверждается тем, что научный дискурс с успехом осуществляет посадку на луне, удостоверяющую для мысли вторжение Реального. Причем никакого аппарата, помимо языкового, в распоряжении у математики нет. Это как раз и вызвало у современников Ньютона возражение. «Откуда каждая из масс знает свое расстояние от других?» - поинтересовались они. «То одному Богу известно», - ответил Ньютон, продолжая заниматься своим делом.

Следует, однако, отметить, что когда в аватару, в пришествие Реального, вошел дискурс политический, осуществилась посадка на луну, причем философа, который благодаря Журналу в каждом из нас сидит, это заметно не взволновало.

Все дело теперь в том, что позволит нам выявить Реальное структуры, - в том самом, что делает язык не шифром, а подлежащим расшифровке знаком.

Ответ мой, следовательно, повторяет Канта лишь с той существенной оговоркой, что за истекшее с тех пор время бы-

62

ли открыты факты бессознательного, а математическая логика получила такое развитие, словно само «возвращение» этих фактов ее вызывало к жизни. Вопреки хорошо известным названиям его трудов, классическая логика **[[*...но не логика классовая*]]** не оказывается в них предметом критического суждения, что и выдает в нем марионетку собственного бессознательного, которая, будучи бездумна, ни судить, ни рассчитывать не способна, проделывая свою работу вслепую.

Что касается субъекта бессознательного, то он включается, подобно звену, в механизм тела.

Нужно ли напоминать здесь, что место его задается исключительно исходя из дискурса ~ то есть того, чья искусственность как раз и являет собой конкретное, да еще какое!

Что из этого может быть сказано? **[[Нет дискурса, который не шел бы от подобия]]** Что может быть высказано из того знания, которое вне-существует для нас в нашем бессознательном, но которое лишь дискурс позволяет артикулировать; что может быть высказано из того, чье Реальное достигает нас лишь посредством этого дискурса? Именно так Ваш вопрос в моем контексте воспроизводится - другими

63

словами, он предстает как безумный.

Следует, однако, решиться в этой форме его поставить - только тогда сможем мы объяснить, каким образом могли бы в рамках аналитического опыта обнаружиться требующие доказательства положения, способные под вопрос этот подвести основу. Итак, приступим.

Можно ли, к примеру, сказать, что если Мужчина хочет Женщину, то получает он ее лишь ценой крушения на мели перверсии? Именно такова формулировка опыта, заданного рамками психоаналитического дискурса. И если эта формулировка подтверждается, может ли она быть преподана всем без различия, **[[Матема]]** то есть является ли она научной - ведь именно исходя из этого постулата наука проложила себе дорогу?

Я утверждаю, что именно так и есть, тем более что, как и желал этого «для будущего науки» Ренан, последствий это иметь не будет, ибо Женщины как вне-существующей не существует. **[[Женщина]]** Но то, что ее не существует, не исключает возможности сделать ее объектом желания. Наоборот - откуда и результаты.

64

Как правило. Мужчина, обманываясь, встречает некую женщину, с которой все и происходит - с которой совершает он тот промах, в котором как раз успех полового акта и состоит. Как свидетельствует нам театр, «актерь», в этом акте занятые, способны на самые невероятные подвиги.

В результате на сцене, где все это предстает нашим взорам, раскрывается, отслаивая любовную интригу от любых видов социальных связей, целый веер благородства, трагизма, комизма и увенчанной кривой Гаусса буффонады - раскрывается, порождая фантазмы, населяемые словесными существами, которые пребывают в том, что они называют -почему, толком неизвестно - «жизнью». Ибо представление о «жизни» получают они лишь посредством своей животной природы, где их знание ни к чему.

И в самом деле, ничто не свидетельствует о том, что жизнь этих словесных существ не есть, как поэты театра давно для себя открыли, просто-напросто сон - разве что только случается им тех животных, *то* есть (*еси ты*) себя есть - поистине так звучит **[["Ты еси."]]** это на милом *мойом* йа-

65

зыке.

Ибо, в конечном счете, дружелюбие, а скорее даже **Φιλία** Аристотеля (расхождение мое с которым не значит, что я его не ценю) - вот к чему склоняется этот театр любви в спряжении глагола «любить», со всем вытекающим отсюда трепетным отношением к хозяйству и домострою.

Как известно, человек всегда где-то обитает и, даже не зная, где именно, имеет к этому, по меньшей мере, обыкновение. **ἔθος** у Аристотеля имеет к этике (омонимичность которой философ отмечает, хотя провести между этими понятиями четкую грань ему так и не удастся) не большее отношение, чем к узам супружества.

Каким же образом, не заподозрив существование объекта, вокруг которого все это - не **ἦθος**, а **ἔθος**, - как вокруг оси, вращается, - объекта (а), одним словом, - можно сделать это предметом науки?

Разумеется, останется при этом и тот объект матемы, который Наука - единственная еще вне-существующая Наука -

66

Физика, - обнаружила для себя в числе и доказательстве. Но куда более впору придется ей тот объект, о котором говорю я: ведь он и есть продукт этой матемы, продукт, чье место задается структурой - при условии, что структура эта действительно является тем изводом языка, что молчаливо приносит нам в залог бессознательное!

Может быть, чтобы в этой мысли удостовериться, стоит поискать следы ее в платоновском *Меноне*, где о путях, ведущих от частного к истине, уже идет речь?

Именно координация этих путей, чья ориентация определяется дискурсом, позволяет, несмотря на то, что движется дискурс от одного к другому, от частного, помыслить то новое, что дискурс этот передает с бесспорностью не меньшей, чем числовая матема?

Для этого вполне достаточно, чтобы сексуальные отношения где-то прекратили бы не записываться, чтобы воцарилось **[[Любовь]]** (можно и так сказать) случайное, в результате чего отвоеван бы оказался начаток того, что должно завершиться в итоге демонстрацией их, этих

отношений, невозможности, то есть утверждением их в

67

Реальном.

Этот шанс прибегнуть к аксиоматике, к логике случайного, его можно предвосхитить - ведь именно к этой логике приучает нас то, необходимость чего матема или нечто такое, что определено ею в качестве математика, ощутили: отказ от опоры на какую бы то ни было очевидность.

Итак, мы и в дальнейшем будем исходить из Другого, того радикального Другого, о котором напоминает воплощаемое сексом отсутствие отношения с момента, когда замечаем мы, что Единое и существует-то, пожалуй, лишь в опыте (а)сексуального.

Для нас Другой имеет не меньшее право на то, чтобы стать субъектом аксиомы, нежели Единое. И вот что подсказывает нам здесь опыт. Во-первых, что в отношении женщин действует то отрицательное суждение, которое избегает Аристотель относить ко всеобщему: они *не-все*,

$\mu\eta\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\varsigma$

. Как будто, не распространяя свое отрицательное суждение на всеобщее $\bar{\forall}x \cdot \bar{\Phi}x$ ||, Аристотель не делал его просто-напросто ненужным - ведь *dictus de omni et nullo* ни в

каком вне-

68

существовании не уверяет нас! О чем само и свидетельствует уже тем, что не утверждает этого вне-существования, иначе как в отношении частного, не отдавая, строго говоря, себе в этом отчета, то есть не зная почему, - вот оно, бессознательное.

Откуда как раз и следует, что *та или иная* женщина $\bar{\exists}x \cdot \bar{\Phi}x$ || - потому что больше, чем об одной, говорить не приходится -встречает Мужчину только в психозе.

Примем это за аксиому - не то, что Мужчина не вне-существует (это случай Женщины), а что та или иная женщина это себе запрещает - не оттого что есть Другой, а оттого что, как я уже говорил, «для Другого Другого нет». $\bar{\exists}S(A)$ ||

Таким образом, всеобщее того, что они желают, принадлежит безумию - недаром говорят, что все женщины безумны.

Потому-то они как раз и *не-все*, то есть не безумны вовсе, а скорее покладисты - покладисты до такой степени, что нет предела уступкам, которые каждая из них готова для *некоего* мужчины сделать, предоставляя ему свое тело, свою душу, свое имущество.

69

Не касается это, однако, ее фантазмов, отвечать за которые далеко не так просто.

Скорее, она идет в данном случае навстречу перверсии, которую я считаю свойственной Мужчине.

$\bar{\exists}(S \supset a)$ ||

Это и вынуждает ее прибегнуть к известному маскараду, который вовсе не является тем обманом, что неблагодарные, ориентируясь исключительно на Мужчину, ей приписывают. Речь идет, скорее, о подготовке себя, «на всякий случай», к тому, чтобы фантазм Мужчины мог встретить в ней свой момент истины. Никакого преувеличения в этом нет, ведь истина по природе своей женщина - хотя бы потому что она не вся, во всяком случае, не вся говорится.

Почему истина и не дается нам всякий раз, когда, требуя от акта признаков сексуальности, которым он не в состоянии соответствовать, терпим мы неудачу: все разыгрывается здесь как по нотам.

Оставим это как есть. Но именно по отношению к женщине знаменитая формула г-на Фенуйара не заслуживает доверия, именно по отношению к ней, когда все границы пройдены, остается предел, забывать о котором не следует.

В любви важен, следовательно, не

70

смысл ее, а, как и везде, ее знак. В этом-то как раз вся драма и состоит.

Нельзя сказать, что, выражая себя посредством аналитического дискурса, любовь тем самым, как всегда, от нас ускользает.

Между этим, однако, и доказательством того, что именно посредством любви **«"Сексуальных отношений не существует"»** ||, этого прирожденного безумия, входит в человеческий мир Реальное (а пути известны - это наука и политика, между которыми зажат прилунившийся Мужчина), - между тем и другим остается еще пробел.

Ибо чтобы закрыть его, приходится предполагать, будто существует некая полнота Реального - а это еще нуждается в доказательстве, ибо субъект предполагают лишь у разумного. *Hypoteses non fingo* означает, что вне-существуют только дискурсы.

Что я должен делать?

Мне остается лишь повторить вслед за всеми вами этот вопрос, обратив его к самому себе. И ответ

будет простым. То

71

самое, что я делаю, когда из практики своей вывожу ту этику искусного слова, на которой я уже останавливался.

Воспользуйтесь ее уроком, если считаете, что и к другим дискурсам может она привиться.

Но я в этом сомневаюсь. Ибо этика соотнесена с дискурсом. Не будем без конца повторяться.

Кантовская идея максимы, которая обосновывается универсальностью своего применения, является лишь гримасой, где Реального в силу одностороннего к нему подхода простыл и след.

Издавательским, отсылающим «на три буквы» жестом **[[Вопросом "что делать?" задается лишь тот, чье желание угасает.]]**, гарантирующим отсутствие отношения с Другим, когда довольствуются слишком буквальным его пониманием.

Этикой холостяка, одним словом, -той самой, которую совсем недавно еще воплощал собой Монтерлан.

Хорошо бы, если бы во вступительной речи, которую предстоит ему произнести в Академии, мой друг Клод Леви-Стросс придал своему примеру какую-то структуру, - а то ведь академикам везет: чтобы

72

сделать честь своему положению, им достаточно истины лишь коснуться.

Очень трогательно, что Вашими стараниями я оказался в подобном положении сам.

Ценю Ваш юмор. Но если Вы от этого упражнения - приличного академику -не отказались, значит Вы были им тронуты, оно Вам польстило. Что я и доказываю Вам - ведь отвечаете же Вы на третий вопрос.

Что касается вопроса «на что позволено мне надеяться?», то я обращаю его острие в Вашу сторону, то есть рассматриваю его на сей раз как исходящий от Вас. Как я отвечаю на него для себя - об этом я сказал выше.

Разве он касался бы меня, если бы не говорил мне, на что надеяться? Мыслима ли надежда без своего объекта?

Итак, Вы, как и всякий другой, которому я адресую «вы», - именно этому «вы» я и даю свой ответ: надейтесь на что вам будет угодно.

Знайτε лишь, что я не раз был свиде-

73

телем, как надежда - то, что называют «светлое будущее», ~ доводила людей, которых я уважал не меньше, чем уважаю Вас, просто-напросто до самоубийства.

Почему бы и нет? Самоубийство - это единственное, в чем можно преуспеть, не заплатив за это ценой неудачи. Если никто об этом не знает, то лишь оттого, что с самого начала положил для себя, что ничего знать не хочет. В том числе и Монтерлан, о котором, если бы не Клод, я бы и не подумал.

Чтобы вопрос Канта получил смысл, я бы придал ему несколько иную форму: откуда вы надеетесь? То есть вы хотели бы знать, что может аналитический дискурс обещать *вам*, потому что для меня это дело решенное.

Разумеется, психоанализ дал бы вам некоторую надежду пролить свет на бессознательное **[[Разве не хочешь ты узнать судьбу, которую уготовило тебе бессознательное?]]**, субъектом которого вы являетесь. Но каждому известно, что я никого на это не поощряю - никого, чье желание еще не определилось.

Более того: извините, что я говорю о тех из «вас», кто Вашего общества не достоин, но я считаю, что разного рода

74

сволочи в психоаналитическом дискурсе должно быть отказано - именно это, безусловно, и скрывается у Фрейда за пресловутым «критерием культуры». На этический критерий, к сожалению, больше положиться нельзя. Как бы то ни было, суждение о них возможно в других дискурсах. Если я говорю, что сволочи в психоаналитическом дискурсе должно быть отказано, то лишь потому что сволочь он превращает в дурака - что, понятно, является улучшением, но улучшением, возвращаясь к Вашему термину, безнадежным.

Впрочем, аналитический дискурс исключает и то «вы», которое не находится уже заранее в ситуации *переноса*, ибо именно это отношение - отношение к субъекту, предполагаемому в качестве знающего, отношение, являющееся симптоматической манифестацией бессознательного, - он наглядно обнаруживает.

Я добавил бы сюда еще и требование того особого дара, что является условием восприимчивости к математике, - если дар этот вообще существует. Поскольку, однако, остается фактом, что ни одной матемы, не считая моих собственных,

75

дискурс этот не вывел, ни о каком даре, который позволил бы их оценивать, вразумительно говорить

не приходится.

Единственный вне-существующий для него шанс состоит лишь в приходе благоприятного часа. Надежда, другими словами, тут не поможет - чего вполне достаточно, чтобы сделать ее бесполезной, а тем самым и вовсе вывести за рамки позволительного.

76

VII. [Ce qui s'enonce bien, l'on le conceit clairement] [О том, что хорошо излагается, создается ложное представление]

Коснемся теперь истины, которая получила свое выражение в стихах Буало. «То, о чем имеется хорошее представление, ясно и излагается». Ваш стиль и т. д.

Как аукнется, так и откликнется. Хватило десяти лет, чтобы написанное мною стало ясным для всех, - я был тому свидетелем в отношении моей диссертации, которая кристально ясным слогом еще не отличалась. **[[У того, кто играет на кристалле языка.]]** Перед нами, следовательно, опытно установленный факт. Тем не менее откладывать ответ до греческих календ я не стану.

Поправляя Буало, я утверждаю: о том,

77

что хорошо излагается, создается ясное представление - говоря «ясное», я имею в виду, что оно получает широкое распространение. Успех, которого удостоивается строгость в формулировке этики, - успех рыночный по меньшей мере - способен, право, привести в отчаяние.

Тут-то мы и почувствовали бы цену невроза, что лишний раз подтверждает положение дел, о котором напоминает нам Фрейд: чувство вины порождается вовсе не злом, а добром.

Невозможно в этой ситуации оказаться, не заподозрив, по меньшей мере, что такое кастрация. Это и проливает свет на пошедшую гулять по свету с легкой руки Буало историю **[[.гусь всегда отъедает срам]]**, выдуманную им, «ясное дело», чтобы ввести в заблуждение - другими словами, чтобы ей поверили.

Оговор, облаченный в славно приставшую ему охру: «Нет переходной степени между посредственным и худшим,» - вот то, что лишь скрепя сердце могу я приписать автору, столь остроумно обыгравшему в строке своей это слово.

Все это понятно, но еще лучше применимо к тому, что в свете моих нечеловеческих усилий положение дел испра-

78

вить предстает в подлинном своем виде - в виде остроты, что оставляет всех без исключения в дураках.

Разве не знаем мы, что острота - это заранее рассчитанная оговорка, оговорка, в результате которой бессознательное оказывается у нас в руках. Суть того, что пишет Фрейд об остроте, именно в этом. И это тем более легко представить себе, если бессознательное действительно не думает, не рассчитывает и т. д.

Застать его врасплох можно лишь заново, да получше, усвоив, если удастся, правило, которое выразил я, забавы ради, в иной тональности, когда привел пример того, что может быть познано: не столько полагаться на везение в языке, сколько следить за тем, как осваивается этот последний в седле языка.

Чтобы я это заметил, понадобилось меня слегка подтолкнуть - здесь-то позиция истолкования свою сущность и обнаруживает.

Предположить при виде вывернутой наизнанку перчатки, что рука знала, что она делала, - не значит ли это вернуть ее, эту перчатку, тому самому человеку, на стороне которого выступили бы Лафон-

79

тен и Расин?

Истолкование должно быть расторопным, - чтобы удовлетворить взаимствованию.

- Между тем, что пребывает от утраченного вконец, и тем, что держит пари **[[$\frac{\sigma}{(-\varphi)}$]]** на худшее, нежели отец.

80

Примечания

Прим. пер. к с. 20: Фраза "*les non-dupes errent*", означающая «не давшие себя в обман заблуждаются», может быть одновременно прочитана как *les noms du pere*, «имена отца».

Переводчик выражает свою глубокую признательность г-же *Жюдит Миллер* за неоценимую помощь в работе над настоящим переводом.

Жак Лакан

Телевидение

Перевод с фр. А. Черноглазова.

Корректор - Д. Лунгина Верстка - А. Кефал

Художественное оформление - Ната Пирихалава

ИТДК «Гнозис» «Издательство "Логос"» Лицензия ЛР № 065364 от 20 авг. 1997 г. Tel.: 2471757; fax: 246-2020 (Г-25); e-mail: logos@rinet.ru

Справки и оптовые закупки по адресу:
м. "Парк Культуры", Зубовский б-р, 17, ком. 5-6 ИТДК "Гнозис", тел. 2471757.

Подписано в печать 26.09.2000. Формат 70x108/32. Печать офсетная. **Тираж 3000 экз.**

Отпечатано в ГУП Ордена «Знак почета» Смоленской областной типографии им. В.И. Смирнова
Заказ № 3484.

ISBN 5-8163-0016-4

Электронная версия книги: [Янко Слава](http://yanko.lib.ru) (Библиотека [Fort/Da](http://yanko.lib.ru)) || slavaaa@yandex.ru ||
yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Исq# 75088656 || Библиотека:
<http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - внизу

update 09.04.07
